

ДЛЯ Ивана Никифоровича Первунского, бригадира электриков цеха сетей и подстанций, она была полнейшим сюрпризом. А Исфендияр Курбан-оглы Салманова, старшего водоосмотрщика электростанции города Шеки Азербайджанской ССР журналистка Оксана Сергеевна Булгакова, разыскавшая его и пригласившая приехать на передачу, все же предупредила, что он в Челябинске встретится с фронтовым другом-побратимом. И вот они стоят перед все фиксирующим глазом телеобъектива, но забыв о нем, да и обо всем на свете, тискают друг друга в крепких объятиях, целуются. Друг от друга отрывались, лишь чтобы смахнуть слезы.

Не знаю, все ли у Оксаны Сергеевны получилось так, как намечала она сценарием, но первые зрители и участники передачи — десятки других фронтовиков — артиллеристов (передача посвящалась им) были взволнованы до глубины души. Ведь встретились побратимы после более чем тридцатилетней разлуки...

...Когда началась война, Первунский и Салманов находились на срочной службе. Первым к тому времени прослужил чуть больше двух месяцев, а второй и того меньше — семь дней. Раньше друга Иван Никифорович принял и боевое крещение.

ЭТО БЫЛО 23 июня, недалеко от Каменец-Подольска. Артиллерийскую часть, в которой служил Первунский, самоуверенно с ходу атаковали немецкие мотоциклисты. И жестоко поплатились. Но через два дня артиллеристов уже атаковали танки и густые цепи автоматчиков. Иван Никифорович и его товарищи бились до последнего снаряда. Потом последовала команда:

— Замки — в землю!..

Отходили к глубокому оврагу, чтобы сбросить туда, уже ставшей ненужной, технику. Прикрывать отход своих молодых бойцов остался с пулеметом командир батареи Шпак. Так и погиб этот мужественный офицер в неравном бою. Но смертью своей спас жизнь многим своим артиллеристам.

Только сразу не повезло Первунскому. Когда вместе с другими прыгнули в овраг, немцы вдогонку бросили несколько гранат. Осколками одной из них изрешетило правый бок артиллериста. От жуткой боли потерял сознание. Сколько так пролежал, Иван Никифорович не помнит. А когда очнулся, услышал немецкую речь. А потом увидел немецкого автоматчика. Что делать? Безоружный и беспомощный... Оставалось одно — притвориться мертвым. Авось, пронесет.

И **ПРОНЕСЛО**. Это

просто счастье, что гитлеровец не стал стрелять в распластанного в траве Первунского, а только пнул его раз, другой, чтобы убедиться, действительно ли перед ним убитый. И пошел дальше.

А Иван Никифорович полежал, полежал и пополз к своим.

Потом сам удивлялся, как только хватило сил на эту адокую, под палящим июньским солнцем дорогу. Ведь прополз он не много

Никифорович, на ходу залечивая раны. И дошагал до Днепра.

У Запорожья, несколько выше его, наши стали в прочную оборону. Пять суток подряд немцы пытались форсировать легендарную реку, сбить с левого берега наших воинов. Но каждый раз их отбрасывали назад.

— Днепр от крови врага покраснел — вспоминает об этих боях Иван Никифорович. — Так уве-

ных гитлеровцев, захват богатых трофеев.

И все же опять пришлось отступать. А когда солдат отступает, его редко награждают. Вот и у Первунского первая награда — медаль «За отвагу» — появилась лишь в сорок третьем. Фашистов тогда выбивали с «голубой линии» — Кубани.

...ТОТ ПАМЯТНЫ И бой был за станицу Славинскую. Иван Никифорович получил задание корректировать огонь минометной батареи.

— Задача была не из легких, — вспоминает он. — Стояли мы в плавнях. Камыш доходил до двух с половиной метров, было в нем хуже, чем в лесу — никакой видимости. Единственным местом, удобным для корректировщика, могло стать отдельное стоящее дерево. Но корректировщик на нем — живая мишень...

Иван Никифорович не побоялся стать этой мишенью. Но отважного бойца пуля миновала. А его корректировка огня минометов имела решающее значение в выкуривании немцев с занимаемых позиций.

Здесь же, на Кубани, произошла и первая встреча Первунского с Салмановым. До того, как стать разведчиком-минометчиком, Исфендияр Курбан-оглы воевал в Пятом (Белорусском) полку ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), а в минометном полку был сначала автослесарем, потом завскладом. Но от природы живому, склонному к риску, азербайджанцу, это было не по душе. И хорошо, что полковое начальство это заметило.

Подружились два молодых солдата довольно быстро. И трогательно заботились друг о друге.

НО КОГДА требовалось, оба не задумываясь, шли в любое пекло. И почти в то же время, когда Первунский получил медаль «За отвагу», Исфендияр был награжден медалью «За боевые заслуги».

И потом чаще всего их и отмечали наградами вместе. Например, за освобождение Бердичева. Тогда разведчики минометного полка Салманов и Первунский участвовали в танковом разведывательном десанте на хлебозавод. Салманову удалось раздобыть ценные разведанные, а попутно с помощью танкистов подавить вражескую пулеметную точку, надолго прижавшую нашу атакующую пехоту к земле. За этот подвиг Исфендияру вручили орден Отечественной войны первой степени. А следовавший на другом десантном танке Первунский тоже отличился — взял «языка», оказавшегося очень разговорчивым.

Ивана Никифоровича наградили орденом Славы третьей степени.

А вскоре после этого получил и орден Отечественной войны второй степени. За находчивость и мужество.

Было это тоже на Украине. В разгар боя к разведчику-минометчику Первунскому подбежал молодой пехотинец.

— Туго нам, — говорит, — а вон там недалеко немецкая пушка стоит.

У **ПУШКИ** оказалась разбитой панорама. Но остальное было целым. И снарядов к ней изрядно. Когда-то Первунский и учился наводить орудия в цель без панорамы, по каналу ствола. Сейчас эта наука пришла как нельзя кстати. Да и немцы пошли в новую атаку.

Бой был трудным. Жарко пришлось Ивану Никифоровичу. Но в этом бою ему удалось подбить из пораненной трофейной пушки два вражеских бронетранспортера с пехотой.

И все же из всех боев, в каких довелось участвовать Первунскому и Салманову, самыми жестокими были бои на Сандомирском плацдарме в Польше. Здесь еще раз прошла проверка их фронтовая дружба.

...Вислу форсировали на подручных средствах. Захватили плацдарм — «пяточок». И здесь, почти у самой воды, правую руку Первунского зацепил осколок снаряда. Рукав гимнастерки быстро набух от крови. Надо было в сабат. А как до него добираться? Друга решил перевести на правый берег Исфендияр. Соорудил плот из трех бревнышек, вместо весла — доска. Оттолкнулся от берега, поплыл. А Висла кипит от разрывов снарядов, а с самодельного весла стекают красные ручейки. И навернулись слезы на солдатские глаза. Ах, река Висла! Чего же больше в тебе — воды или крови твоих освободителей?!

НЕДОЛГО пробыл в госпитале Первунский — рвался к своим. Но начальник штаба задержал при себе.

— С недельку отдохни, — сказал.

Первунского в штабе хватило лишь на три дня. Вечером на третий день он уже переправился на Сандомирский плацдарм. А этот плацдарм то расширялся, то снова сокращался. Иван Никифорович угодил как раз в очередное такое сокращение. Немцы не жалели огня, не считались с потерями. Первунский повел своих солдат в контратаку. И на бегу сначала выпрыгнул автомат, а потом и сам упал — в обе руки и левую ногу впились пуля, осколки мины.

Тогда наша контратака захлебнулась, пришлось отходить. Маленький Салманов взвалил рослого

старшего сержанта на плечи, потащил.

Спустя 31 год он рассказывал мне об этом так:

— Ташу командира, ноги подкашиваются. А надо еще отстреливаться. На командир, смотри, совсем плох. Шепчу: «Ваня, Ванюша, потерпи, дорогой, не умирай...». Когда уже вытащил в безопасное место, откуда можно было вызывать санитаров, поразился: «И откуда только, Исфендияр, силы у тебя взялись...».

БОЛЬШЕ они не видели друг друга. Обменялись только письмами. Это когда Иван Никифорович после госпиталя находился в Минских учебных артиллерийских лагерях, а Исфендияр Курбан-оглы еще не форсировал Одер (на Одере Салманов сам был тяжело ранен и оказался в госпитале). Потом, получив последний свой боевой орден — Красную Звезду, Исфендияр Курбан-оглы уехал в свой родной город Шеки, в Азербайджан, а Иван Никифорович такую же награду получил уже за бои с Японией.

ТАК И ДУМАЛИ, что навечно потеряли следы друг друга. Работали честно, на мирном фронте получали трудовые награды, растили детей. И вот накануне 30-летия Великой Победы встретились.

— Я, наверное, очень счастливый человек, — говорил Исфендияр Курбан-оглы. — Через Верховный Совет своей республики удалось мне разыскать еще одного своего боевого друга — шофера Мамедова. Другие люди помогли встретиться с побратимом Иваном. Перед тем, как сесть в самолет, я посадил в память об этом фруктовые деревья.

Исфендияра Курбан-оглы провожали в Челябинск на горьковском митинге. И в Челябинске он был не только гостем своего боевого друга, но и коллектива нашего завода. Иван Никифорович показал ему завод, на котором трудится уже 28 лет, свой большой уральский город. Были у них встречи с коллективом цеха Ивана Никифоровича.

Очень доволен остался всем Исфендияр Курбан-оглы. А когда уезжал, сказал побратиму:

— Вот что, мой брат Ваня: жду тебя, твою жену Аню в моем солнечном Азербайджане. Жаркое у нас солнце. Но ты еще раз убедись, что такие же жаркие сердца и у жителей моего маленького города Шеки. Для тебя, дорогой, от них будет много тепла.

С. БЕРДНИКОВ.

НА СНИМКЕ: вот они, фронтовые побратимы Исфендияр Курбан-оглы Салманов (слева) и Иван Никифорович Первунский. Фото Н. Брылина.

● ШЛА ВОЙНА НАРОДНАЯ

ПОВРАТИМЫ

Во Дворце культуры нашего завода шла видеомagnитофонная запись телевизионной передачи «Фронтвики, наденьте орден!» Тогда-то и произошла их встреча...

не мало — целых три километра.

И вот, когда уже стало казаться, что все, пришел твой смертный час, Иван Первунский, солдат четвертой, с честью погибшей артиллерийской батареи, услышал тревожно-грозное:

— Кто идет?

Это оказался солдат первой батареи их же артиллерийского полка. Ничего, что в единственном числе. Зато теперь их двое. Правда, на двоих только один винтовочный штук.

И **СНОВА** улыбнулся счастью двум измученным солдатам — встретились с остатками своего полка. Так с ним и отступал Иван

ренно мы дрались. И еще бы стояли непоколебимо, не обойди нас фашист у Каховки.

Снова отступление, потом запасной полк. Весной сорок второго наводчик 569-го отдельного минометного полка Резерва Главного Командования Иван Первунский у шахты «Велянки» принимал новое крещение огнем.

Позиция батареи наших 120 мм полковых минометов была на горе. На другой такой же горе — немцы. Наши минометчики удачно выбрали момент для нанесения огневого удара. А окончательную точку поставили пехотинцы. В итоге — 250 плен-